

15 (28) февраля

Священномученик
Николай (Морковин)

Священномученик Николай родился 15 мая 1889 года в селе Ильгощи Кашинского уезда Тверской губернии в семье псаломщика Петра Морковина. В 1913 году он окончил Тверскую Духовную семинарию и женился на девице Марии. Впоследствии у них родилось шестеро детей. В 1913 году Николай Петрович был рукоположен во священника ко храму в селе Петровском Кимрского уезда, затем, уже после революции, он был переведен ко храму в селе Лосево Горицкого района. В 1929 году священник с женой были арестованы по обвинению в отказе «от выполнения... общегосударственных заданий» и в сопротивлении «представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей» и отправлены в ссылку в Вологодскую область.

Отец Николай так описал все происшедшее в письме к брату-священнику: «Непрерывная и усиленная работа ради насущного хлеба для себя и деток-сирот сильно пошатнула мое бывшее богатырское здоровье. Но благодарим Господа Бога, что наши страдания и старания поддержать многочисленную семью были не напрасны. Наша защита от холода и голода семьи имела благие последствия, каковые вы увидите из нижеследующих строк сего письма. Экстренная постройка своего небольшого дома 8 на 8 аршин с двором, омшаника и бани, обучение двух старших дочерей Юлии и Нины в городе Кашине в школе 2-й ступени, усиленные налоги и недород хлеба из-за недостатка удобрения от одной только лошади (единственную корову пришлось продать, и два года были при такой многочисленной семье без коровы) привели нас к несостоятельности уплатить большие налоги, что и привело к задолженности государству. Ясно, что за дом было взято и продано все движимое имущество, вплоть до поросенка, единственной живой вещи для питания без коровы. Обнищание заставило взять из школы 2-й ступени сначала старшую дочь Юлию, а затем вторую, Нину, не доучив по году, то есть они прошли восемь групп. И вот в последний год моего жительства на родине я решил посеять побольше льняного семени и им заплатить в недостаток хлеба. Вот это-то семя и было роковым для нас. Оно попало под опись и подлежало по закону изъятию за недоимок, чего мы не предполагали. При этом попала под опись и моя зимняя ватная ряска, единственная надежда дочерей на пальто. Вот эти-то вещи мы с женой и решили не отдавать ради защиты детей.

Я-то определенно шел на это, ибо меня заранее и давно приговорили к аресту. Маня же не предполагала, что с ней так поступят и оторвут ее от шести детей. Но в действительности оказалось не то. На первых порах была картина ужасная, но впоследствии картина изменилась в лучшую сторону. Мой личный трагизм пастырской деятельности и тот материально-социальный лабиринт, какой переживает современный лишенец при многочисленной семье, решил сам по себе. Отсутствие родителей-лишенцев повлияло в лучшую сторону для детей. Старшая дочь Юлия восстанавливается в правах голоса. Все имущество и земля целиком остаются за детьми, и в заключение они причисляются к беднякам. И для меня присутствие жены на первых порах необходимо, как для человека, не бывавшего в жизненных перевертках. И так я и жена попали за

неуплату налога и неотдачу описанного имущества. У нас было два суда. Первый суд осудил меня на шесть месяцев ссылки, а Маню на шесть месяцев принудительных работ, а второй меня – на пять лет, а жену – на два года ссылки. Я арестован с первого суда, то есть 1 ноября, а жена со второго суда, когда я сидел в тюрьме города Кашина, где она меня и догнала. Из Кашина до Москвы ехали в одном вагоне. В Москве были четверо суток, а потом ехали на машине до Котласа. В Кашине мы были назначены в разные районы...»

Первое время отец Николай и его супруга находились в разных концах Вологодской области, что угнетало обоих. Опытные люди научили их, как написать начальству, чтобы добиться разрешения отбывать ссылку вместе. Первые хлопоты не увенчались успехом, и отец Николай решил подать заявление начальнику милиции в Великом Устюге о переводе жены к нему и отправился на почту, чтобы купить бумагу и конверты. Когда он вышел с почты, то услышал, что, как ему показалось, как бы во сне кто его кличет: «Коля, Коля». Он обернулся и не поверил глазам – это была его жена Мария. Оказывается, она уже давно искала его и прошла со всеми вещами более ста пятидесяти верст пешком, и вот встретила его на улице.

Отец Николай писал своему старшему брату-священнику, отцу Леониду, и его супруге Елене: «Дорогой брат-крестный и Лена, здравствуйте! Письмо ваше мы получили 9 октября сего года, которому я был так рад, что не мог удержаться от слез, заплакал. Его я получил, придя только что из Пинюга в барак, без Мани, она осталась в Пинюге получить свой инвалидный паек (15 фунтов муки на месяц). От избытка чувств и мыслей не знаю, что вам и писать. Начну с того, что я потерял надежду иметь хотя письменную связь со своими кровными родными, и в том числе и с тобой, дорогой крестный. Больше этого, стал иметь обиду за то, что все родные меня забыли за время нашего пребывания на чужбине, ни от кого строчки-восточки. По приезде моем на чужбину, когда еще с Маней находились врозь, без копейки денег и куска хлеба, я писал всем родным, знакомым и своим духовным чадам воззвания о материальной и моральной поддержке, но в ответ на мой буквально вопль ни от кого ничего...

Из первых строк твоего письма видно, что ты от меня писем не получал и истинного положения моих дел не знаешь. Кончается срок отбывания на чужбине не мой, а Мани, а мне еще нужно отбывать три года, так что, дорогой крестный, бывают такие грустные минуты, что теряешь надежду, что вернешься домой и увидишь своих бедных деток-сирот, и такие тяжелые минуты стали часто повторяться ввиду близкого отъезда домой истинного содруга в жизни, Мани, которой нужно честь отдать, что крест свой перенесла почти безболезненно. Она жива, здорова и в полном разуме и памяти, только лишь получила болезнь “порок сердца”, по признанию медиков. Лично я думал, что она не перенесет такой, кажется по нашему человеческому разумению, тяжелый крест, но тут к месту слова Святого Писания, что каждому верующему в Него, то есть в Бога, крест дается по силам и каждому человеку, имеющему веру хотя с зерно горчичное, все возможно. Вот как раз она-то, благодаря Божьему Промыслу о нас и добрым людям, искру еще сохранила...

Скажу пока немного о себе. Мы, я и Маня, живем вместе. Она осуждена на два года, а я на пять лет. За все время моего пребывания на чужбине я прошел следующие специальности: семь месяцев ремонтного рабочего на пути железной дороги, полгода лесорубом, пять месяцев счетовод и второй месяц опять лесоруб. Живем в настоящее время в лесу в предбаннике, в девяти верстах от

станции Пинюг. Пилим с Маней двухметровые дрова для углежжения. Зарабатываем рубля два-три в день, продовольствие получаем по 3-й категории, то есть 1 рубль 70 копеек выработки. Выдают кило двести печеного хлеба, круп 120 грамм и сахару 18 грамм... В общем, пока работать можно и кормиться...

Прости меня, дорогой крестный, за мою обиду на тебя, что ты забыл в трудную минуту. Теперь я стал богач, но не тем преходящим, что гниет и тлеет, а тем, что остается смертным до гробовой доски, то есть богатством жизни духовной. За время пребывания в исправительных домах и чужбине приходилось самоуглубляться и искать причину страданий, и я всегда приходил к заключению, что причина – это наше “я”. Вот со слезами на глазах кончаю сие письмо...

Дорогие родные брат-крестный с Леной и племянничек Вася с женой, здравствуйте!

Крестный, твое письмо второе я получил 2 января 1932 года, за которое весьма благодарю... От души жалею брата Шуру и его супругу с семьей. Но, чтобы смягчить чувство грусти о переживаемом и этим самым поддержать дух бодрости, из своего личного опыта обращаю свой взор на общий... плач и рыдания ныне живущих на Руси граждан, даже вольных. Наше личное горе и потеря большей части материальных благ есть капля бушующего житейского моря. А в таком случае более чем когда-либо осознаешь необходимость верного крепкого корабля – это веры в Промысл Божий, ведущий нас ко спасению, сознанию нашей предыдущей прежней жизни. И вот когда проанализируешь свою прошедшую жизнь, в особенности в сани иерея Божия, то приходишь к заключению, что это по делам нашим. Жалею брата Шуру больше и потому, что его здоровье слабо, но, с другой стороны, утешаешься тем, что у него, как говорится, золотые руки, то есть он знаком с некоторыми ремеслами, как-то: столярничество и тому подобное. А это в ссылке весьма важно. Некоторые в ссылке устраиваются не хуже, чем дома. Нам, служителям культа (оставшимся верными ему), только везде презрение, хотя и нужда в технических работниках. Мои товарищи по работе в конторе по счетоводству давно получают уже по 100 рублей жалованья, а я, как верный страж Церкви Христовой, перекидываюсь с одной работы на другую. Но все-таки имел возможность уделять малую толику и своим деткам. Я вполне убедился, что “Бог сира и вдову приемлет”. Им Бог дал разум жить самостоятельно. По последним письмам известно, что две дочери, Юля и Нина, в школьных работниках, а старший сын Николай, пятнадцати лет, остался дома за хозяина и хозяйку: сам все делает, стряпает и прочее. Интересно, какое правовое положение будет Манино? Домой она отправилась 19 декабря, в самый Николин день в шесть часов вечера... Теперь она уже дома, в своем родном уголке, среди деток. Как она сейчас счастлива!.. Теперь я один, и не успела уехать Маня, как перемена – с месячного оклада сняли и назначили возчиком лесоматериала. Работа сдельная, с кубометра. Расценки дешевые, не больше рубля в день. С отъездом Мани деньгами издержался, даже влез в долги. А как раз сейчас возчиков снабжают всем необходимым: бельем, одеждой и обувью. Нужно выкупать, а денег нет. Дорогой крестный и племянничек Вася, если это возможно для вас, то пришлите, сколько можете, деньжонок, хотя даже взаимобразно, до летнего сезона, когда заработок бывает больше. Письмо я получил вечером, а пишу ночью и спешу, а поэтому пишу небрежно, а потому прости. После работы на холоде сон одолевает...

Крестник Николай

Дорогой братец-крестный Леня и племянничек Вася со чадами, здравствуйте! Посылку и письмо получил, за что приношу глубокую благодарность. Дорогой крестный, как дорога, как ценна твоя, сознаю, может и не по силам, помощь материальная, а также весточка от кровно родного человека в чужом краю, если бы ты знал! Я даже не знаю, чем, когда и буду ли иметь возможность тебя отблагодарить.

Живу в очень неблагоприятном положении, а в особенности в гигиеническом. Живу в бараке на верхних нарах. Людно, грязно, темно и заработок неважный, около одного рубля в день. Продовольствие по заработку, а поэтому питание скудное. В настоящее время есть еще немного картофеля, а то один, один и один хлеб и тот в недостаточном количестве. Из дома что-то давно нет никаких известий. Почему, не знаю. Одно письмо Маня прислала только что по приезде домой. Вожу сейчас лес на станцию Пинюг. Работа не тяжела, но не интересна в оплате труда. Погода сейчас здесь морозная. Морозы выше 30 градусов, но здесь они не так страшны, как у нас, ибо лесно...»

По окончании срока ссылки в августе 1933 года, отец Николай вернулся в Тверскую область. Архиепископ Тверской Фаддей (Успенский) направил его служить в Вознесенский храм в село Вознесенье Кашинского района, где отец Николай прослужил до своего последнего ареста. Он был арестован 16 февраля 1938 года и заключен в тюрьму в городе Кашине.

В самый день его ареста был допрошен дежурный свидетель, родом из села Вознесенье, который показал: «В ноябре 1937 года на территории сельсовета священник организовывал и проводил кружковые нелегальные занятия с активными церковницами женщинами, читал им религиозную литературу, призывал их не ходить на собрания сельсоветов и колхозов по проработке положения о выборах в Верховный Совет. В июле 1936 года при размещении государственного займа среди населения я вызвал в сельсовет попа Морковина и, как председатель сельсовета, предложил ему подписаться на государственный заем. Морковин подписаться отказался и сказал: “Распространяйте его среди колхозников, а я подписывать не буду. Меня и без займа ограбила советская власть, сделала нищим”. Стараясь разъяснить ему неправильность его взглядов, я сказал, что по новой конституции СССР все граждане являются равноправными, а поэтому и вы можете принять участие в подписке на заем. На это Морковин мне ответил: “О равноправии сейчас говорить рано. Советская власть издает законы не для проведения в жизнь, а для обмана населения. Я в вашу конституцию не верю”»¹.

19 февраля следователь, допрашивая священника, спросил:

– Вы обвиняетесь в систематическом проведении вами среди колхозников контрреволюционной агитации, в сознательном противодействии проработке и изучению новой сталинской конституции СССР и положения о выборах в Верховный Совет СССР. Признаете себя в этом виновным?

– Предъявленное мне обвинение я отрицаю и виновным себя в нем не признаю, – ответил священник.

На этом допросы и само следствие были закончены. 26 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Священник Николай Морковин был расстрелян 28 февраля 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль».
Тверь. 2005. С. 298-304

Библиография

УФСБ России по Тверской обл. Д. 22159-С.

Примечания

¹УФСБ России по Тверской обл. Д. 22159-С, л. 11.